

⁴ См.: Семенов С. А. Верхнепалеолитические костяные рукоятки // КСИИМК. М.; Л., 1950. Т. 35.

⁵ Определение всех костных остатков животных произведено в ЛОИА палеозоологом К. Каспаровым.

⁶ См.: Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. Вып. 14.

⁷ См.: Сериков Ю. Б. Трасологический анализ каменных орудий с мезолитической стоянки Сухрино I // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири.

⁸ См.: Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3.

⁹ См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

¹⁰ См.: Сериков Ю. Б. Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

¹¹ См.: Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита Прикамья // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

¹² См.: Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

¹³ См.: Матюшин Г. Н. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы // ВАУ. 1962. Вып. 2.

¹⁴ См.: Бадер О. Н. Стоянки Нижне-Адишевская и Боровое Озеро I // МИА. 1950. № 22.

¹⁵ См.: Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968.

В. Т. КОВАЛЕВА
Уральский университет
Н. М. ЧАЙРКИНА

Институт истории и археологии УрО АН СССР

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ КАМЕННОГО — НАЧАЛЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение этнокультурных и этногенетических процессов на территории Среднего Зауралья осложняется недостатком фонда источников по ряду хронологических пластов, порой неудовлетворительным источниковедческим анализом, наличием устаревших схем и стереотипов в атрибуции ряда археологических культур, упрощенным подходом к характеристике отдельных исторических эпох и этапов их развития. В то же время проводимые в последние годы археологические исследования значительных моно- и полихронных памятников неолита — раннего металла способствовали появлению новых схем и гипотез, позволили наметить новые пути в решении сложных проблем культурогенеза.

Наиболее сложными остаются проблемы генезиса неолитической культуры Зауралья, ее развития и содержания. В конце 60-х гг., подводя итоги многолетним исследованиям и дискуссиям, В. Н. Чернецов разработал схему развития зауральского неолита с тремя преемственными фазами развития: козловской,

юринско-горбуновской и чэстыйгской. Он предполагал генетическую близость памятников козловского типа и раннекельтминарских (Джанбас-Кала IV) и выдвинул тезис о единой этнокультурной общности Средней Азии и Зауралья¹. Позднее эту схему уточнил О. Н. Бадер, заменив название двух последних фаз: юринско-горбуновской — на полуденскую и чэстыйгской — на сосновоостровскую. О. Н. Бадер пришел к выводу о формировании уральского неолита на местной мезолитической основе, хотя и под влиянием южных (степных) соседей². Утверждению этой схемы во многом способствовали работы В. Ф. Старкова³.

В настоящее время тезис о культурном единстве неолита лесного Зауралья оспаривается в связи с исследованием памятников кошкинского и боборыкинского типов, интерпретируемых как неолитические⁴. Предложена новая научная схема для среднезауральского неолита с двумя стадиями (ранней и поздней) и двумя основными линиями развития (автохтонной и пришлой, оформившейся в результате миграции в Зауралье населения из южных районов), выявленными по синхронным, но с различными культурными традициями группам памятников — козловской и кошкинской (ранний неолит); полуденской и боборыкинской (поздний неолит)⁵. Основу новой концепции составляет идея о параллельном развитии разнотипных и разнотрадиционных традиций, отражающих сложность этнических, исторических и миграционных процессов.

Ранний неолит. Выделены две основные группы памятников — козловская и кошкинская, отличающиеся специфическим проявлением материальной культуры. При всей значимости таких категорий находок, как орудия труда, предметы культа или украшения, отправным пунктом в нашем исследовании является анализ керамики. Особое значение уделялось технико-технологическим приемам и способам изготовления посуды и нанесения орнамента на их поверхность, так как именно в технике воплощены знания и опыт, накопленные в ходе общественного производства.

Обращение к керамике как к ценному источнику этногенетических исследований оправдано, поскольку орнамент — это не только декоративное оформление с ритмичным и симметричным повторением одинаковых мотивов. У истоков своих орнамент возник из повторения символических линий и знаков и имеет символический смысл, являясь основной базой по отбору, стилизации и условному оформлению определенных символов. Заложенная в орнаментах информация — своего рода знаковая система, отражающая в контексте культуры этническую специфику.

Для раннего этапа автохтонной линии развития мы сохранили название «козловский», следуя историографической традиции, хотя жилищный комплекс поселения Козлов Мыс I (Андреев-

ское озеро у Тюмени), по которому была выделена ранняя фаза, является в большей степени типичным для последующей стадии.

В козловскую группу были объединены памятники со своеобразной керамикой — остродонной, преимущественно с прочерченно-накольчатой техникой орнаментации, горизонтально-зональным расположением узоров, заполняющих всю внешнюю поверхность (рис. 1А).

Памятники этой группы представлены в основном кратковременными стоянками и поселениями из одного-двух одноочажных жилищ-полуземлянок подпрямоугольной формы с глубиной котлована до 0,8 м, площадью до 37—40 м² (Ташково I, Дуванское V — жилище 1, Евстюниха I и др.). Обогреваемые очагами полуземлянки могли использоваться неолитическим населением как зимние жилища или в течение года довольно продолжительное время. Можно предполагать подвижный образ жизни с преимущественным занятием охотой и в меньшей степени — рыболовством. Производственными коллективами могли быть отдельные семьи (7—10 человек), поэтому крупных поселений могло и не быть.

Наиболее ранними памятниками этой группы являются поселения: Евстюниха I у Нижнего Тагила (расположено на мысе — 7 м — мысу при впадении Евстюнихи в Тагил). Памятник исследовался под руководством А. И. Россадович в 1974 г. Вскрыто жилище, но материал раскопок не опубликован; кратковременная однослойная стоянка Уральские Зори II (правый берег Туры, Кушва Свердловской обл.), исследованная в 1987—1988 гг. Ю. Б. Сериковым; Дуванское V, жилище 1 (в 10 км к западу от д. Мулаши Тюменской обл., на правом берегу Дувана, левого притока Пышмы) исследовалось В. И. Стефановым в 1975—1977 гг.; Ташково I, жилище 4 (правый берег Исети, Каргапольский р-н Курганской обл.), раскапывалось под руководством В. Т. Ковалевой в 1982, 1986 гг. и др. Для керамики этих поселений характерна преимущественно прочерченная техника орнаментации в сочетании с неглубокими ямочными наколами (рис. 1А-1, 3, 6, 7). Этот тип керамики можно назвать **евстюнихским** (по поселению, где впервые был получен керамический комплекс с прочерченным орнаментом в сочетании с жилищем и комплексом каменных изделий; рис. 1А-6).

Кремневая индустрия поселения Евстюниха I, генетически восходящая к зауральскому мезолиту, сохраняет пластинчатую технику раскалывания, определенную долю микролитонности, преимущественное использование пластин с красной обработкой. Сохраняются архаичные типы орудий — резцы и резчики, пластинки с боковой выемкой. Большая часть орудий изготовлена на крупных пластинах. Шлифованных орудий мало. Сочетание ранних и поздних типов орудий свидетельствует о ранне-неолитическом возрасте памятника и о преемственности мезо-

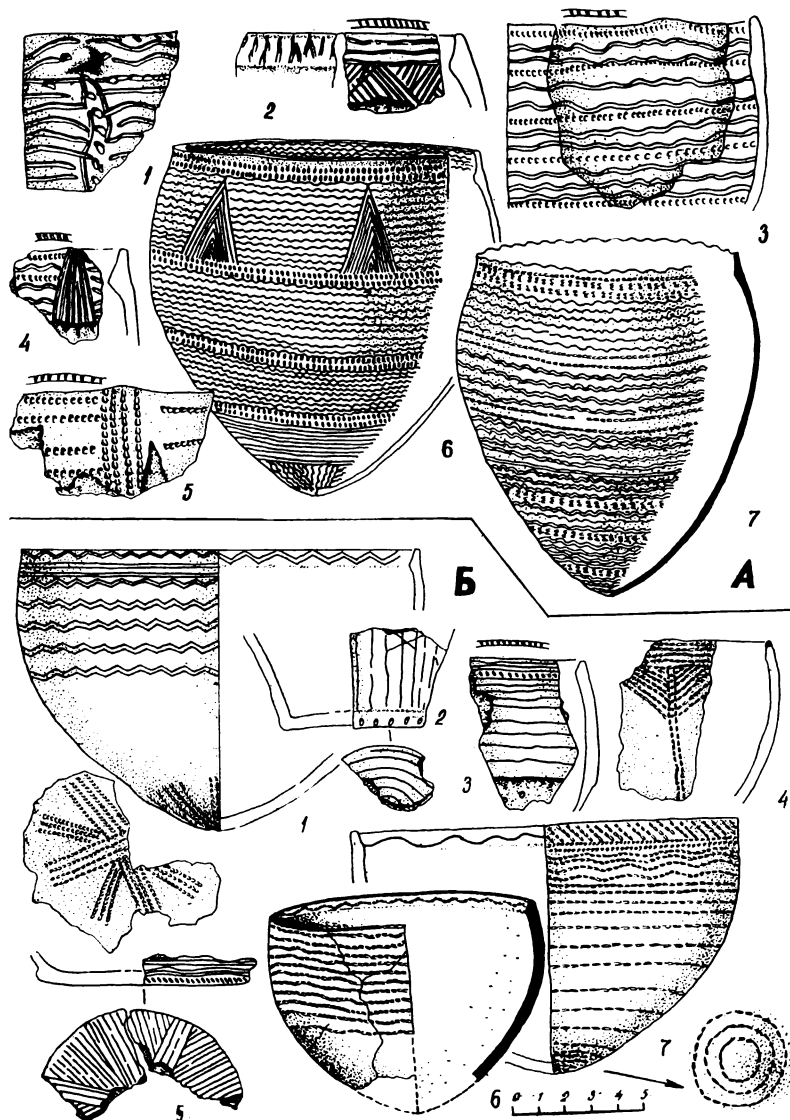

Рис. 1. Ранненеолитическая керамика:

А — козловского типа — 1 — Махтыли-холм; 2—5 — Ташково I, жил. 4; 6 — Евстуха I; 7 — Полуденка I; Б — кошкинского типа — 1—5, 7 — Ташково III, жил. 3; 6 — Лисья гора

литической и неолитической культур⁶. Это подтверждает и серия абсолютных дат (в пределах первой половины — середины V тыс. до н. э.), полученная для раннеолитических комплексов поселений бассейна р. Конды, керамика которых во многом близка козловской⁷.

В целом керамика евстунихского типа не дает основания говорить о каких-то первоначальных поисках ее изготовления. Сосуды разных емкостей устойчивой полуяйцевидной формы изготовлены из глиняного теста с примесью талька, шамота, органики (птичий помет?). Обжиг ровный, обработка поверхности тщательная с применением лощения. Посуда на поселениях хорошо сохраняется, несмотря на древность.

По всей вероятности, самые древние неолитические поселения в Среднем Зауралье остаются еще неизвестными, но их открытие можно прогнозировать. На ряде памятников (Ташково I, жилище 4; Исетское Правобережное, жилище 1 — раскопки В. Ф. Кернер) вместе с керамикой евстунихского типа (гладкое прочерчивание) найдены фрагменты с прочерченным орнаментом, выполненным инструментом типа расщепленной палочки. Подобная керамика была в свое время типологически выделена Г. Н. Матюшиным в коллекции многослойного поселения Полуденка II и соотнесена с ранним типом каменных орудий. Было высказано предположение о раннеолитическом возрасте керамики, орнаментированной расщепленной палочкой⁸.

В настоящее время получены абсолютные даты по С — 14 для раннеолитических комплексов Зауралья — рубеж VI—V тыс. до н. э. — для Исетского Правобережного; первая половина V тыс. до н. э. — для поселения Леуши VII в бассейне р. Конды (раскопки Е. М. Беспрозванного). Керамика поселения Леуши VII отличается от евстунихской неустойчивостью технических приемов орнаментации, отсутствием канонизированной орнаментальной схемы, но в большей степени устанавливается связь комплекса с культурой мезолита на этой территории (по характеру жилищ и поселений, каменной индустрии).

Дальнейший процесс развития культуры зауральского населения в неолите можно характеризовать как эволюционный, с сохранением традиционных форм присваивающей экономики, определенной консервативностью культурных традиций. Длительное время, вплоть до начала бронзового века, сохраняется остродонная полуяйцевидная форма сосудов, изменяются только некоторые детали. Сохраняется и горизонтально-зональное расположение узоров. Более разнообразными становятся способы орнаментации, появляются новые инструменты для выполнения орнамента (ребенчатый штамп.)

Развитие технических приемов в орнаментации неолитической посуды Зауралья удалось проследить при исследовании многослойного поселения Ташково I. Было вскрыто два неолитических жилища (6 и 4). В жилище 4 (нижний слой) камен-

ный инвентарь в большей степени близок к мезолитическому и преобладает керамика с прочерченным орнаментом, а в жилище 6 (нижний слой) облик каменного инвентаря более поздний и больше сосудов с накольчатым орнаментом (отступающая палочка).

В верхнем слое жилища 4 и за его пределами каменный инвентарь и керамика типологически более поздние, но при этом прослеживается генетическое родство с ранним (жилищным) комплексом. Намечается переход к керамике полуденского типа, для которой в большей степени характерна орнаментация гребенчатым штампом, причем в более ранних полуденских комплексах орнамент наносился движущимся штампом — шагающая и проташенная гребенка. Наконец, следует отметить совместное залегание в верхнем слое жилища 6 керамики полуденского и боборыкинского типов, что с определенной оговоркой позволяет их синхронизировать.

Наряду с бытовой керамикой козловского типа известна культовая посуда. Это сосуды с объемными зооморфными изображениями (рис. 1А-1). На поселениях они встречаются довольно редко и в единичных экземплярах. Значительные их серии найдены на памятниках-холмах: Махтыли-холм, Кокшаровский, Усть-Вагильский и др., известных у местного населения под названием «чудских бугров». Холмы имели, как правило, высоту 2—3 м, диаметр от 20 до 50 м. Все они многослойные, с остатками кострищ и большим количеством находок. В основании холмов — раннеолитическая керамика козловского типа, в том числе с объемными зооморфными головками. По-видимому, эти сосуды использовались в ритуалах (тотемические культы), а сами холмы, возможно, были древними святилищами.

Группа памятников козловского типа является автохтонной, поскольку прослеживается генетическая преемственность как с предшествующим этапом, так и с последующим — полуденской культурой. Процесс формирования раннеолитической культуры козловского типа осуществлялся путем трансформации основных культурных и технологических традиций и новаций (керамика), происходивших, по-видимому, под воздействием южного импульса.

Другая группа памятников — **кошкинская** — представлена поселениями (более 30), занимающими возвышенные участки по берегам озер (Андреевское у Тюмени, Чебаркуль — в Челябинской обл., Юрынское — у Нижнего Тагила и др.), реже — рек (Исеть, Тобол).

Известны значительные по площади поселения из трех-четырех жилищ. Жилища в основном слабоуглубленные со следами каркасно-столбовых конструкций. Известны и землянки (Ташково III) с глубиной котлована до 1,8 м. Площадь жилищ в среднем до 40 м². Наиболее значительные памятники

этой группы — Ташково III на р. Исеть (Курганская обл.), Андреевское озеро — участок XII, XV и др.

Материальная культура памятников этой группы своеобразна, особенно — керамика, по основным характеристикам отличающаяся от козловской. При изготовлении добавками к глине были шамот, птичий помет, дресва из песчаника. Сосуды в большинстве своем закрытые, округлодонные, с различным оформлением венчика — подтреугольным наплывом на внутренней стороне, скошенным внутрь краем, воротничком с внешней стороны. В комплексах обычны сосуды с плоским дном (рис. 1Б).

Орнамент наносился путем прочерчивания и в отступающе-накольчатой технике (отступающая палочка), при этом накольчатая техника преобладает. Горизонтальная зональность в расположении узоров сочеталась с вертикальной. Узор на сосудах разрежен, а на многих сосудах наносился только на верхнюю часть и дно. Нередки сосуды без орнамента. Преобладают мотивы из прямых, волнистых и наклонных линий. Наиболее сложные мотивы — концентрические окружности, спирали, крест, восьмиконечная звезда и др. — наносились на дно (рис. 1Б-1, 2, 5, 7).

Каменный инвентарь поселений кошкинского типа всегда немногочисленный. Техника расщепления — пластинчатая. Среди заготовок преобладают пластины шириной 0,8—1,2 см, из которых изготовлены ножи, проколки, скобели, наконечники стрел. Характерно ограниченное использование ретуши по одной или двум граням. В комплексах много сечений пластин, единично встречаются трапеции. На отщепах изготовлены скребки. Довольно обычны шлифованные орудия. В целом облик каменного инвентаря довольно архаичен.

Для датировки комплексов кошкинского типа мы располагаем стратиграфическими данными: на поселениях ЮАО—XV и Ташково III жилища кошкинского типа перекрыты боборыкинскими, имеющими более поздний возраст. Абсолютные даты по С—14, выполненные в лаборатории ЛОИА АН СССР, подтверждают стратиграфическую позицию комплексов: Ташково III (ЛЕ—4344) — 6380 ± 120 ; Кокшаровско-Юрьинская стоянка (ЛЕ—2060) — 6470 ± 20 ; Исток IV — (ЛЕ—2998) — 6620 ± 260 , т. е. первая половина — середина V тыс. до н. э.

Основные традиции культуры кошкинского типа находят продолжение в позднем неолите, в памятниках боборыкинской культуры. Процесс формирования культуры кошкинского типа представляется иным, чем козловской. Вероятнее всего, он происходил при непосредственной инфильтрации отдельных групп населения из южных областей в лесостепную и лесную зоны Зауралья. В результате адаптации к новым условиям и освоения природных ресурсов сложилась культура, по своему облику близкая степным культурам типа Джангар¹⁰.

Ранненеолитическая культура (кошкинская группа) входит

ла в огромный ареал культур с накольчатым орнаментом на керамике, процесс формирования которой происходил под воздействием миграции степного населения на территорию, в основном освоенную в мезолите. Сходство материальной культуры Прикаспия, Средней Азии, Казахстана и Урала в неолите свидетельствует об общих этногенетических процессах.

Топография памятников (побережья озер), наличие довольно крупных поселений с остатками слабоуглубленных бревенчатых домов позволяют предполагать в большей степени оседлый образ жизни с преобладанием рыболовства в экономике. Формирование довольно крупных производственных коллективов (4—6 семей) было обусловлено и историческими условиями. Переселиться на новые земли предпочтительнее небольшим, скорее всего, родственным коллективом, а не отдельными семьями.

Культура кошкинского типа находит свое продолжение в боборыкинской, генетическая и культурная близость которых отражена в материальных остатках¹¹.

Поздний неолит. Граница между ранним и поздним периодами условна, поскольку развитие культуры происходило довольно замедленными темпами и преимущественно по отношению к культуре предшествующего времени. Наиболее отчетливые типологические различия в материальной культуре наблюдаются в начале раннего этапа и в конце позднего; конец же раннего периода и начало позднего различаются незначительно. Напротив, различия между двумя линиями развития — автохтонной (полуденская культура) и пришлой (боборыкинская культура) становятся более значительными. По этой причине среднезауральские неолитические памятники можно объединить в две культуры — полуденскую и боборыкинскую, а памятники козловского и кошкинского типов соответственно считать их ранним этапом. Такой подход в большей степени фокусирует внимание исследователей на двух параллельных, но различных линиях развития, одна из которых (полуденская) находит свое продолжение в культурах энеолита и бронзового века Зауралья и, вероятно, связана с протофинно-угорским этническим массивом, а вторая — боборыкинская — с протоиндоиранским.

В целом поздний неолит лесной зоны соответствует тому периоду, когда в южных областях (степь) начинается освоение металла и производящих форм экономики.

Полуденская культура. Название можно считать удачным, так как именно на поселении Полуденка I в нижнем слое найдена керамика, характерная для раннего этапа, а в верхнем — для позднего. Многие памятники полуденского типа расположены по берегам рек и занимают те же места, что и в раннем неолите: Полуденка I и II — на р. Полуденке; Дуванское V, жилище 2 — на р. Дуване; Исетское Правобережное, Ташково I, жилище 4 — верхний слой — на р. Исети и др. Однако большая часть поселений занимала побережья проточных озер:

Стрелка и Чашиха — на Горбуновском торфянике; Юрьинская стоянка — на берегу Юрьинского озера; Шанаиха — на Исетском озере; Козлов Мыс I, Карьер II, жилище 1 и 2, ЮАО — IX — на Андреевском озере; Сосновый остров — на Малом Тар-

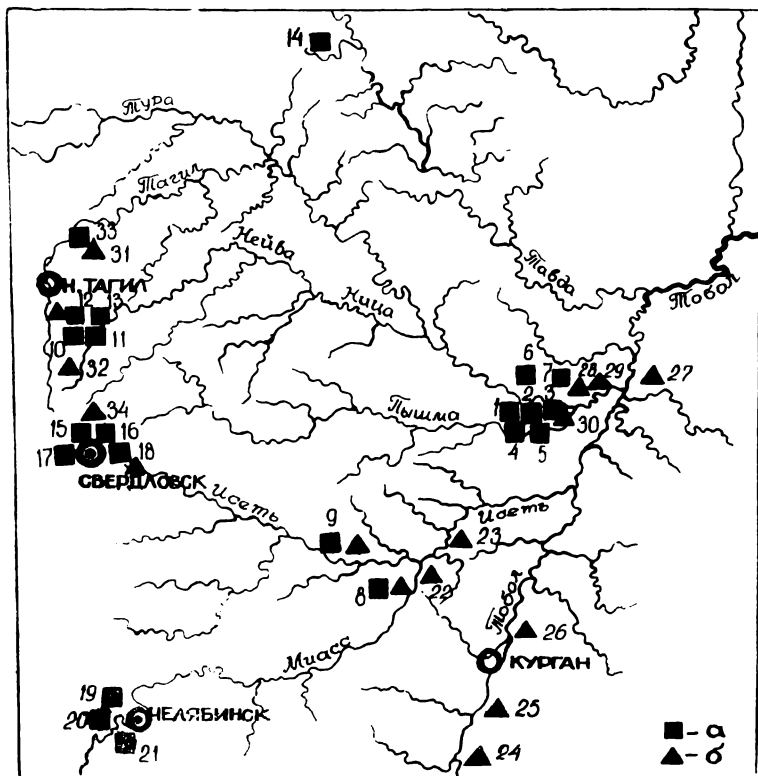

Рис. 2. Карта-схема распространения памятников:

а — полуденского типа; б — боборыкинского типа; 1 — Козлов Мыс I; 2 — VIII пункт; 3 — Карьер II; 4 — IX участок ЮАО; 5 — Дуванское V; 6 — Сосновый остров; 7 — Ипкуль XIII; 8 — Ташково I; 9 — Боборыкино II; 10—11 — Стрелка, Чашиха; 12—13 — Полуденка I, II; 14 — Махтыли; 15 — Нижняя Макуша; 16 — Исетское Правобережное; 17 — Шанаиха; 18 — Палатки I; 19 — Чебаркульская; 20 — Абселямовская; 21 — Иткульская; 22 — Бархатовское; 23 — Ботниковское; 24 — Лисья гора; 25 — Гляденовское; 26 — Вороний Мыс; 27 — Юртобор III; 28—29 — Байрык I, VI; 30 — ЮАО — XII, XV; 31 — Кокшарово VII; 32 — Амбарка I; 33 — Юрьинская; 34 — Бараний Мыс

мане; Ипкуль XIII — на Ипкуле (Нижнетагдинский район Тюменской обл.) и др. (рис. 2).

Основным типом жилища оставалась прямоугольная полуземлянка, углубленная на 0,5—0,7 м. В конце неолита площадь жилищ увеличивается: Сосновый остров — 96 м², Дуванское V, жилище 2—115 м². Наряду с однокамерными известны двухкамерные жилища (Юрьинская стоянка). Появляются значитель-

ные по площади поселения, состоящие из нескольких жилищ (Полуденка I, Юрьинская и др.).

Изменение топографии и характера поселений и жилищ, по-видимому, связано с трансформацией образа жизни и хозяйственной деятельности: население стало более оседлым, а в экономике доминирующую роль заняло рыболовство.

Посуда остается прямостенной или закрытой с округло-приостренным дном. Изменяется форма наплыва на внутренней стороне венчика: исчезают низко и плавно опущенные наплывы. Орнамент сохраняет зонально-горизонтальное расположение и покрывает всю внешнюю поверхность. Технические приемы исполнения орнамента более разнообразны по сравнению с ранним этапом. По технике орнаментации керамики выделена ранняя группа среди памятников полуденской культуры (в пределах первой половины IV тыс. до н. э.) — это Полуденка I и II, Ташково I (верхний слой жилища 4), Козлов Мыс I, Карьер II и др. Мотивы из печатной гребенки, как правило, занимали подчиненную роль, а основными приемами в орнаментации оставались прочерчивание, в том числе и уголком штампа (струйчатый мотив), шагающая гребенка, отступающая палочка (рис. 3). Абсолютный возраст слоя с керамикой этого типа на поселении Карьер II, жилище 2 (Андреевское озеро) — 5590 ± 12 (рис. 3-8, 10—12).

Типологически более ранним будет комплекс керамики поселения Ташково I, жилище 4 (верхний слой; рис. 3-2, 3, 7, 9). Большая часть керамики поселений Полуденка I и II, по-видимому, будет синхронна керамике из Карьера II (рис. 3-1, 4—6).

К концу полуденской культуры в орнаментации посуды все большее место отводится гребенчатому штампу (до 80 % от общего объема). Архаичные приемы сохраняются, но занимают подчиненную роль. Наиболее характерным для позднеполуденской группы является поселение Дуванское V, жилище 2 (раскопки В. И. Стефанова). При доминировании мотивов из гребенчатого штампа сохраняются и мотивы из отступающей палочки, прочерченные, струйчатые и т. д. (рис. 4-7—10); абсолютный возраст комплекса — 5295 ± 60 , т. е. последняя треть IV тыс. до н. э.

Поселения Чашиха, Сосновый остров — II комплекс будут более поздними по сравнению с дуванскими. Для керамики заключительного этапа полуденской культуры наиболее характерны печатногребенчатая орнаментация, разреженность узоров, в большей степени по сравнению с предшествующим периодом геометризм (рис. 4-1—6).

Выделенная ранее сосновоостровская стадия в развитии зауральского неолита вряд ли оправдана. По-видимому, есть смысл сохранить название «сосновоостровский» за типом керамики с преимущественно гребенчатой орнаментацией, который будет характеризовать конец неолита — начало энеолита.

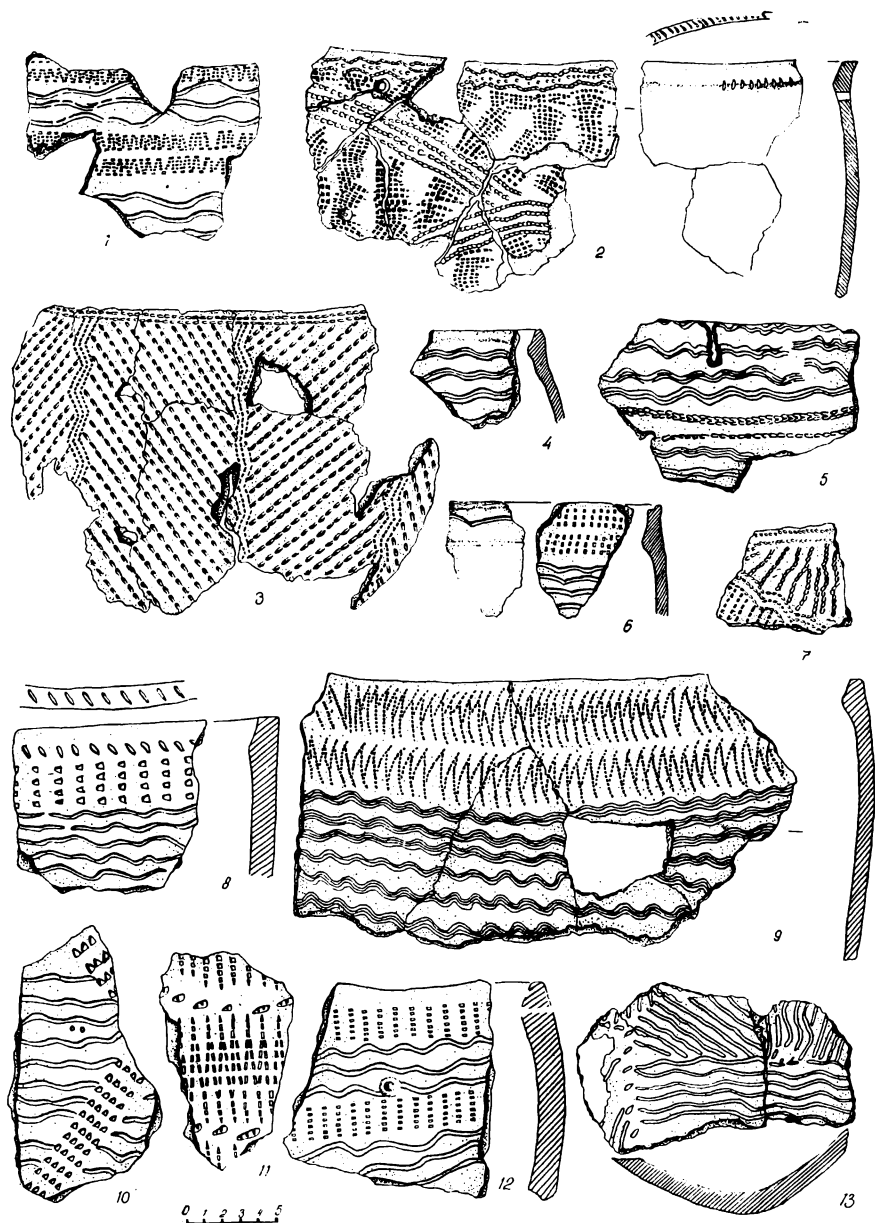

Рис. 3. Керамика полуденского типа:

1, 4-6 — Полуденка II; 2, 3, 7, 9 — Ташково I, жил. 4 (верхний слой); 8, 10-12 — Андреевское озеро — Карьер II; 13 — Козлов Мыс I

В технике обработки камня исчезают мезолитические традиции. Сохранялась пластинчатая индустрия, но широко использовались отщепы и шлифованные орудия. Абразивная техника

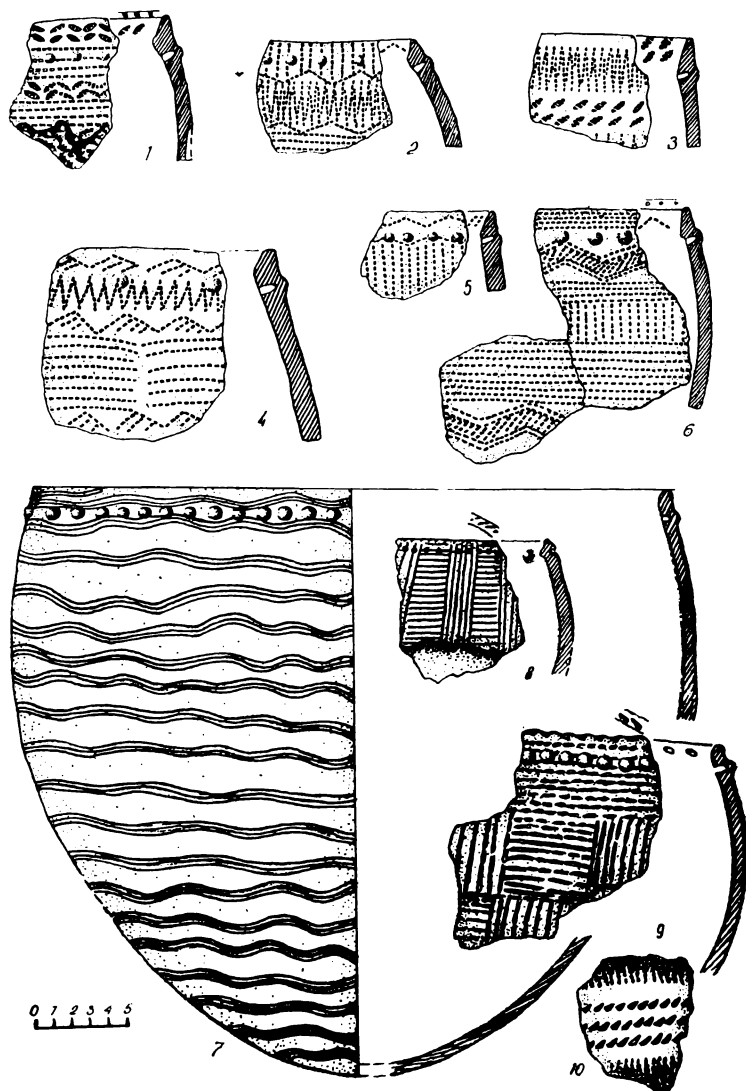

Рис. 4. Керамика полуденского типа:

1—6 — Сосновый остров — II комплекс; 7—10 — Дуванское V, жил. 2

позволила неолитическому населению Зауралья значительно расширить ассортимент изделий и видов сырья.

Полуденские древности во многом сходны с прикамскими

(Боровое озеро I, Хуторская стоянка и др.). Сходство проявляется в форме сосудов, технике орнаментации и мотивах на посуде. Появление на позднем этапе двухкамерных жилищ в Зауралье, общие типы каменных изделий свидетельствуют о регулярных контактах среднеуральского населения, сложившихся еще в мезолите.

Однако в конце неолита более прочными и регулярными становятся связи с Южным Уралом, что нашло отражение в увеличении орудий из яшмы на среднезауральских поселениях. В. Ф. Старков справедливо отметил различный характер сходства культур лесного Зауралья, Южного Урала и Прикамья. По его мнению, наиболее активным было южноуральское воздействие¹². Дальнейшие исследования позволяют уточнить и конкретизировать современное представление по этому вопросу.

Боборыкинская культура. Нет необходимости в данной статье давать характеристику боборыкинским древностям, поскольку она дана в ряде последних работ¹³. Новые исследования, как полевые, так и кабинетные, значительно пополнили источниковый фонд: комплекс керамики боборыкинского типа вычленен в коллекции поселения Полуденки I (фонды Нижнетагильского краеведческого музея; рис. 5-1—8); раскопки В. Д. Викторовой многослойного поселения Палатки I у Свердловска (рис. 5-9, 10); Ю. Б. Серикова — Кокшаровско-Юрьинской стоянки у Нижнего Тагила (рис. 5-11—15); Н. М. Чаиркиной — на Макуше III, Бараньем Мысу и др. (рис. 5-16—18).

На ряде поселений (Полуденка I, Палатки I и др.) боборыкинская керамика залегала в одном слое с полуденской, что вряд ли можно считать случайным.

Отметим лишь некоторые отличия боборыкинской керамики Свердловско-Тагильского региона от притобольской: в тесте примесь слюды и талька обычна; на притобольских памятниках эти примеси отсутствуют; преобладают плоскодонные сосуды на поддонах, в то время как притобольские формы более разнообразны и в комплексах нередко округлодонные и остродонные сосуды; в технике орнаментации ведущее место занимают гладкое прочерчивание и неглубокие ямочные наколы, в Притоболье эти приемы дополняются отступающей палочкой; мотивы за редким исключением (рис. 5—15) однообразны — зигзаг, волна, в то время как на притобольских сосудах боборыкинского типа — разнообразные геометрические фигуры; в комплексах обычны сосуды без орнамента, но с насечками по краю горловины и дна. По-видимому, наиболее ранние памятники боборыкинского типа следует искать в Притоболье; в горно-лесную часть Зауралья население переселилось позднее по водным артериям (Исеть, Ница, Тура). Карта-схема распространения памятников боборыкинского типа наглядно иллюстрирует пути расселения и освоения новых территорий населением, пришедшим из южных областей (рис. 2). Интересно отметить, что памятники бо-

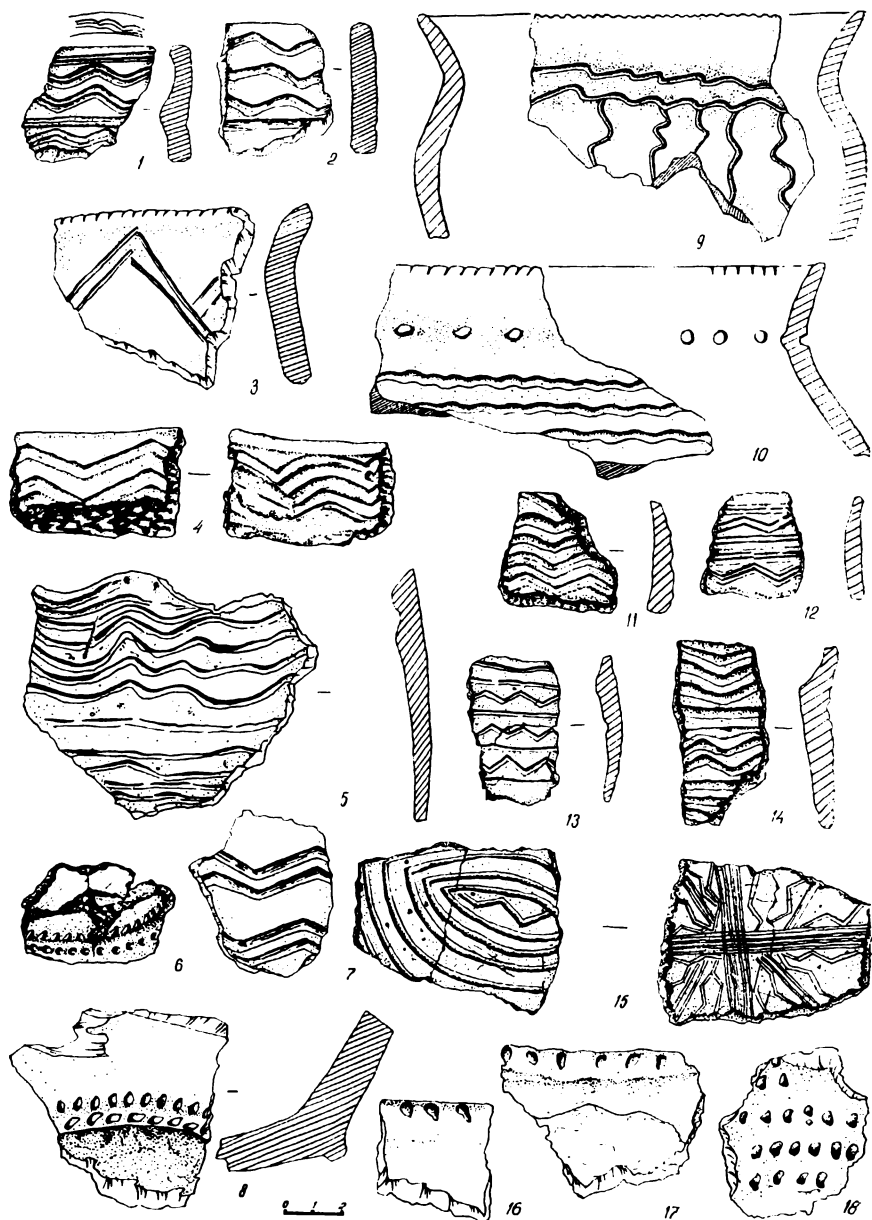

Рис. 5. Керамика боборыкинского типа:

1—8 — Полуденка I; 9—10 — Палатки I; 11—15 — Кокшаровско-Юрьинская стоянка;
16—18 — Бараний Мыс

бобрыкинского типа по р. Тоболу не являются в большинстве случаев стационарными поселениями, а скорее кратковременными стоянками. Наиболее крупные поселения расположены в низовьях Исети, Пышмы, Туры, по берегам проточных озер. Поселения значительные по площади (500—600 м²), состоят из нескольких жилищ-полуземлянок площадью от 30 до 50 м² и более; глубина котлованов — 0,5—1 м. Жилища, как правило, с коридорообразными выходами, канавками, ямами и очагами на полу; между жилищами размещались хозяйственные ямы (Андреевское озеро XII).

Жилые сооружения типа землянки и полуземлянки распространены главным образом в обществах с подвижным образом жизни и определенным видом жизнедеятельности. Землянка — признак ранней стадии процесса заселения региона.

При датировке комплексов бобрыкинского типа нами учтены не только стратиграфические данные и абсолютный возраст жилищного комплекса поселения Ташково I (5490±60—ЛЕ—1535), но прежде всего архаизм каменной индустрии и техники орнаментации керамики. Не менее арханчным является и тип жилища.

На современном уровне исследований мы не располагаем даже косвенными свидетельствами относительно энеолитического возраста бобрыкинских древностей, хотя теоретически и допускаем возможность их доживания в посленеолитическое время. Возможно, такие памятники еще будут открыты, но скорее всего в более северных лесных районах, куда могло проникнуть бобрыкинское население и раствориться в местной среде.

Для нас очевиден и вопрос о соотношении кошкинских и бобрыкинских древностей. Убедительные факты для решения этой проблемы получены при исследовании поселений Ташково I и III на р. Исети (Каргапольский район Курганской обл.), на которых прослежено залегание бобрыкинского слоя ниже раннеэнеолитического (Ташково I) и последовательность культурных отложений (кошкинского и бобрыкинского) на поселении Ташково III.

Таким образом, типологический и генетический анализ, произведенный ранее, находится в соответствии со стратиграфией региона и подтвержден абсолютными датами комплексов.

Из-за отсутствия комплексных исследований отдельных поселений нам пока немного известно о структуре поселений. Этот вопрос и должен стать основным в дальнейших исследованиях.

Переход к энеолиту в лесном Зауралье не связан с какими-то кардинальными изменениями в экономике, культуре и общественной жизни. Следуя технологическому критерию, мы выделяем энеолит как особый период археологической периодизации, по своему содержанию являющийся переходным от неолита к бронзовому веку и характеризующийся, с одной стороны, преемственностью с культурой неолита, а с другой — значительным

прогрессом, вызревaniem предпосылок для перехода к бронзовому веку. Энеолит занимает все III тыс. до н. э. и, по-видимому, начало II тыс. до н. э., завершая каменный век на Урале.

Новый материал — медь — не получил массового распространения в лесной зоне и использовался крайне ограничено. Население довольно медленно осваивало навыки металлургии и металлообработки. По-видимому, следует отдать предпочтение точке зрения тех исследователей, которые включают энеолит как переходный период в рамки предшествующей археологической эпохи (неолит с металлом) ¹⁴.

Далеко не все энеолитические комплексы в Зауралье маркированы металлом. Как уже было отмечено, на поселениях изделия из металла крайне редки. Нет и следов металлообработки. Поэтому при атрибуции энеолитических комплексов основную роль играют типологические признаки.

Для энеолитической керамики лесного Зауралья можно назвать ряд общих признаков, выделяющих ее из группы неолитических. Форма посуды остается остро- и округлодонной, но вместе с прямостенными и закрытыми появляются профилированные сосуды с отогнутым наружу краем.

Обработка внутренней поверхности неолитических сосудов гладкая, а внешняя нередко залощена; в энеолите внутренняя поверхность сосудов имеет следы от заглаживания гребенчатым штампом, пучком травы, возможно, палочкой, обмотанной веревкой и т. д., от чего на поверхности остаются параллельные бороздки. Иногда следы рельефной обработки видны и на внешней поверхности, хотя последняя, как правило, ровная.

В целом развитие культуры в энеолите происходило в условиях сложившихся культурных стереотипов при определенной их интенсификации и трансформации, а также под воздействием миграционных процессов и взаимоассимиляции.

Исследованиями 20—50-х гг. (А. А. Берс, П. А. Дмитриев, Д. Н. Эдинг, В. М. Раушенбах, Н. П. Кипарисова, В. Н. Чернецов, О. Н. Бадер, К. В. Сальников и др.) был выделен заключительный этап каменного века в лесном Зауралье (энеолит) — липчинская культура (по В. Н. Чернецову) ¹⁵. Исследователи были единодушны в выводе о гомогенном характере культуры. На то были свои причины: слабая обеспеченность источником, отсутствие однослойных и стратифицированных памятников, перемешанность культурных отложений на большинстве зауральских стоянок и т. д.

Затем последовала неоправданно затянувшаяся почти на 20 лет пауза в изучении зауральского энеолита. В конце 70-х—80-е гг. возобновились исследования ранних эпох на Урале. Появились публикации и обобщающие работы ¹⁶. Из единой липчинской культуры были выделены три: липчинская и шапкульская (по В. Ф. Старкову) и андреевская (по В. Т. Ковалевой) ¹⁷.

Памятники аятского типа без всяких на то оснований стали считать раннебронзовыми¹⁸.

В настоящее время предметом постоянных дискуссий является проблема пространственно-временных параметров основных типов культурных образований, которые исследователи определяют различными классификационными уровнями: культуры, этапы, типы. Не менее сложным остается и вопрос о генезисе каждого из культурных формирований (липчинская, шапкульская, аятская культуры, андреевская группа памятников).

В этой связи по-прежнему актуальна проблема источника, которая в последнее десятилетие в какой-то степени решается за счет исследования многослойных поселений у Свердловска — Палатки I (В. Д. Викторова), Палатки II (С. Н. Панина), Бараний Мыс, Макуша III, Шувакиш I (Н. М. Чаиркина), Исетское XIII (Ю. П. Чемякин) и др. Открыты и частично раскопаны новые торфяниковые стоянки — Новый Разрез, Дальний Разрез А, Б на Горбуновском палеозере (Ю. Б. Сериков), Шувакиш XI—Д, VI—А, Шигирское А (С. Н. Погорелов). Возобновлены раскопки на стоянке Разбойничий Остров (Н. М. Чаиркина, А. Ф. Шорин) и др.

Приоритет торфяниковых памятников очевиден, так как они содержат, как правило, несмешанный материал.

Топография и стратиграфия энеолитических комплексов свидетельствуют о неустойчивой климатической ситуации в горно-лесном Зауралье в III — начале II тыс. до н. э. — конец атлантика и контакт его с суббореалом. Часть памятников занимают останцы, мысовидные участки вблизи воды, другие расположены на коренных берегах высотой до 8 м и на значительном расстоянии от современного уреза воды. Довольно широк и диапазон рассеивания культурных остатков, включая сапропелевые отложения (озерное дно), контакт торфа и сапропеля, связанный с моментом сужения зеркала озерного водоема, его пересыханием. Эта фаза датируется исследователями на ряде озер Среднего Зауралья климатическим оптимумом голоцена — финальным атлантиком (около 4500—4600 гг. до н. э.). Нижние слои торфа, вероятно, соответствуют началу суббореала, который характеризуется Н. А. Хотинским как крайне неустойчивый период, прохладный и относительно влажный¹⁹.

Материалы торфяниковых стоянок дают возможность уточнить стратиграфические позиции различных комплексов и их развитие.

Наиболее ранними будут комплексы с гребенчатой керамикой сосновоостровского типа и с ложношнуровым орнаментом липчинского типа. Они залегают в сапропеле и на его контакте с торфом на торфяниковых стоянках и на относительно низких — до 1,5 м высотой, участках береговых террас, что соответствует, видимо, концу атлантика.

Керамика с ложношнуровым орнаментом (рис. 6-3—9) най-

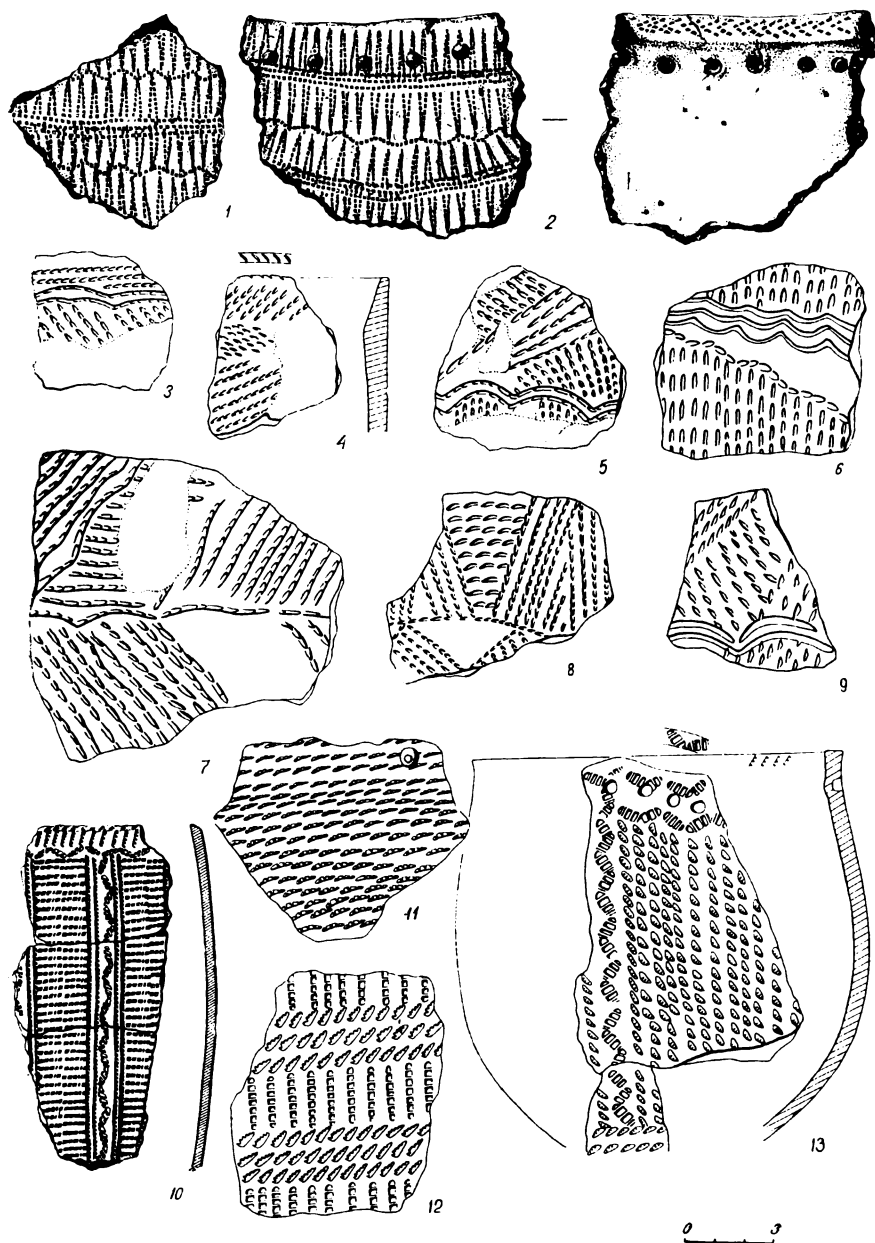

Рис. 6. Энеолитическая керамика Зауралья:

1—2 — сосновоостровского типа (Дуван I); 3—9 — липчинского типа с ложношнуровым орнаментом: 3 — Аннин остров; 4, 5, 7 — VI разрез Горбуновского торфяника; 6, 9 — Юрьино IV; 8 — Кокшарово I; 10 — липчинского типа с гребенчатым орнаментом — ЮАО — VIII; 11—13 — шапкульского типа — Козлов Мыс I (верхний слой)

дена на Исетском XIII, Дальнем Разрезе А²⁰, в нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника, на Разбойничьем Острове и др. Для этого типа керамики характерна богатая орнаментация, выполненная по принципу отступающей палочки. Горизонтальная разбивка поля сочеталась с вертикальными зонами из заштрихованных треугольников, взаимопроникающих треугольных зон, ромбов, прямоугольников. Встречается орнамент из дуг, выполненных оттисками гладкого штампа (рис. 6-9), узор в виде ряда волнистых линий (рис. 6-6) и др.

Керамика с гребенчатым орнаментом украшалась преимущественно узорами из шагающей гребенки в сочетании с геометрическими мотивами из оттисков гребенчатого штампа и пояска из жемчужин по краю сосуда (рис. 6-1, 2). Узоры, как правило, располагались горизонтальными зонами. Слои с керамикой сосновоостровского типа исследованы на стоянке Сосновый остров — среднее жилище²¹, Сагра I, на торфяниковой стоянке Шувакиш XI—Д, Гилево VIII (у Заводоуковска, раскопки Л. А. Дрябиной) и др.

По всей вероятности, комплексы с керамикой сосновоостровского (с гребенчатым орнаментом) и липчинского (с ложношнуровым) синхронны, поскольку они залегают в аналогичных стратиграфических условиях.

Как и в предшествующий период, в раннем энеолите сосуществовали две основные орнаментальные традиции — гребенчатая и накольчатая (ложношнуровая), отражающие, вероятно, сложный культурный и этнический процессы. При этом комплексы с гребенчатым орнаментом на керамике, по мнению большинства исследователей, являются отражением развития культуры автохтонного населения Зауралья (полуденская культура) при взаимодействии ее с культурой Южного Зауралья.

Труднее объяснить появление керамики с ложношнуровым орнаментом. Хотя сама по себе накольчатая традиция для Зауралья не нова и, вероятно, является модификацией техники отступающей палочки, но с прочерченно-накольчатыми комплексами позднего неолита (боборыкинскими) она ничего общего не имеет.

Наиболее многочисленная группа энеолитических памятников в Зауралье с керамикой, орнаментированной различными техническими приемами: ложношнуровая, гребенчатая, ямочная. Это стоянки Липчинская, Аннин остров, Аятское Правобережье II, Калмацкий Брод, средние или верхние слои торфяниковых стоянок Шувакиш I, Шувакиш XI—Д, Разбойничий Остров, ЮАО—VIII, Ташково I — верхний слой и др.

Стратиграфически слои с керамикой с различными орнаментальными традициями залегают в нижних слоях торфа, иногда в верхних слоях сапропеля. Топография береговых памятников неустойчива: останцы и мысовидные участки вблизи воды, коренные террасы, несколько удаленные от современного уреза

воды. Стратиграфически эти комплексы перекрывают слои с сосновоостровской и ложношнуровой керамикой и, по-видимому, являются более поздними. В. Н. Чернецов назвал липчинскими именно такие комплексы с различными приемами орнаментации на керамике. Этот хронологический пласт, вероятно, соответствует рубежу атлантического и суббореального периодов, началу суббореала (?).

Иная ситуация сложилась в равнинной части Среднего Зауралья. Пока неизвестны памятники только с ложношнуровым орнаментом на керамике. Наиболее ранними, по-видимому, будут поселения с керамикой сосновоостровского и шапкульского типов.

Выделенная В. Ф. Старковым шапкульская культура занимает ареал восточнее липчинской. Специфику ее составляет керамика, украшенная по методу отступающей гребенки ²² (рис. 6-11—13). Такая манера нанесения орнамента является аналогом ложношнуровой, но выполненной другим инструментом. В то же время между этими типами керамики есть и существенные различия. На шапкульской посуде узор плотно покрывает всю внешнюю поверхность, в большей степени характерна для нее горизонтальная зональность из широких лент, заполненных короткими наклонными оттисками уголка гребенчатого штампа (Шапкуль I; Козлов Мыс I — верхний слой и др.). На памятниках с керамикой шапкульского типа найдены изделия из меди, большое количество изделий из камня (яшма, кремнь), в том числе наконечники кельтеминарского типа.

Памятники с шапкульской керамикой малочисленны и, вероятно, занимают относительно короткий промежуток времени, как и памятники с ложношнуровым орнаментом на керамике.

В культуру эти памятники объединены слишком поспешно. Вероятно, более корректным будет оставить название «шапкульский» за типом керамики и типом памятников. Можно отметить непосредственное воздействие культуры Южного Урала на формирование культуры шапкульского типа лесостепной и лесной части Зауралья.

Совершенно своеобразную группу образуют памятники с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике — андреевского типа (рис. 7). Она отличается рядом специфических признаков, не имеющих генетического прототипа в Зауралье. Своеобразие ее — в орнаментации фигурным штампом, рабочая часть которого имела форму скобки, прямоугольника, овала, кружка, треугольника и т. д. Оттиски штампа косовдавленные, глубокие, оставляющие жемчужины на внешней поверхности сосуда. По верхней части сосудов имеются полые канальчики от сгоревшего шнура, которым обвязывался сосуд, а затем сверху затирались глиной.

В чистом виде такая керамика на поселениях Притоболья встречается довольно редко, чаще она находится в комплексах

вместе с керамикой шапкульского и липчинского типов.

На поселениях с керамикой андреевского типа (с фигурно-штампованным орнаментом) всегда много изделий из глины:

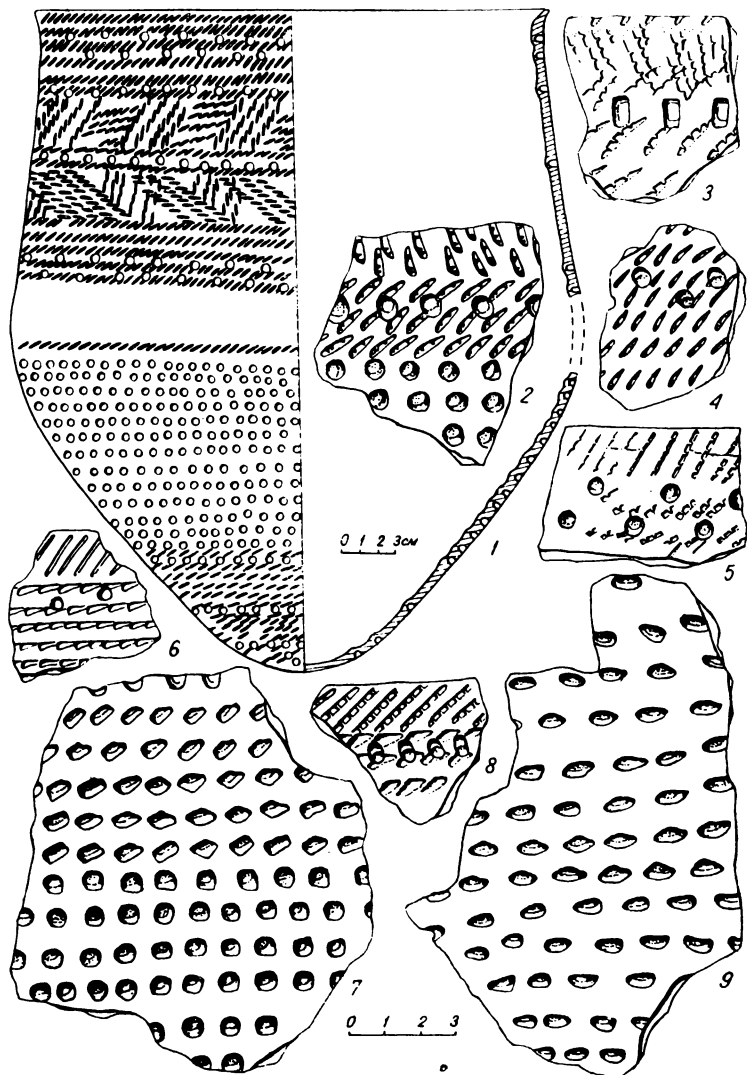

Рис. 7. Керамика андреевского типа

очень легкие стерженьки длиной 5—7 см, диаметром менее сантиметра, вероятно, являющиеся составными частями каких-то конструкций; разные по размерам изделия биконической формы, которые чаще всего называются рыболовными грузилами;

изделия цилиндрической формы с приплюснутыми концами, довольно массивные, которые с большей вероятностью можно считать грузилами от сетей.

Интересно, что на Ипкульском могильнике (раскопки Л. Н. Коряковой) в нижнем слое на дне жилища с керамикой только андреевского типа найдена большая серия биконических грузил, а под другим курганом, тоже с керамикой андреевского типа, находилось скопление грузил биконической и цилиндрической форм.

На поселении ЮАО—ХII кроме вышеописанных найдены изделия из глины в виде плоских орнаментированных плиточек, довольно длинных стержней, обломки фигурок, кирпичиков и т. д. Наконец, на этом поселении много фрагментов андреевского типа со следами ошлаковки и нагара, образовавшихся в результате использования их при плавке металла.

Все эти факты позволяют нам предположить пришлый характер культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике. Наиболее близким и единственным аналогом будут комплексы культур с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике лесной зоны Восточной Европы. Подтверждение этого вывода можно найти и у В. Ф. Генинга, хотя в связи с иной проблемой²³. Предстоит еще выяснить, каким путем проникли в Зауралье новые этнические группы, но, несомненно, новая миграционная волна связана с западным направлением. Не исключено, что отдельные группы прошли через Северный Урал, но нам представляется небезынтересным и другой вариант — Южный Урал. На поселениях агидельской культуры Южного Приуралья в раннеэнеолитических комплексах (поселение Муллино) вместе с керамикой, близкой шапкульской, нередко и керамика с ямочным орнаментом²⁴.

В нашей работе мы обращаем внимание на последствия этой миграции. Население быстро ассимилировалось в местной среде, но воздействие культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамику оказалось более чем значительным. По-видимому, распространение металлообработки, керамических грузил в Притоболье связано с приходом населения из западных районов, которое, очевидно, занималось традиционно рыболовством. В новых условиях оно искало сходные условия. Наибольший массив памятников андреевского типа расположен на озерах (Андреевское, Ипкуль — в Тюменской обл.).

Поскольку пришлое население не знало выходов каменного сырья, а вблизи поселений его не оказалось, рыболовы изобрели новый тип керамических грузил, которые являются специфическим культурным компонентом Среднего Зауралья. Эта новация получила вскоре широкое распространение в среде аборигенов.

В дальнейшем на широкой местной и пришлой основе сформировалась собственно липчинская культура, вобравшая в себя

достижения предшествующего периода. Следуя логике Л. Н. Гумилева, население, оставившее керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом, стало импульсом при формировании новой культуры и этноса — возникла этническая целостность из особей (людей) смешанного происхождения²⁵.

К концу энеолита относятся памятники с гребенчатым орнаментом на керамике аятского типа. Узор наносился преимущественно длиннозубым гребенчатым штампом в сочетании с короткозубым (из 3—4 зубцов). Для аятской керамики характерны ярко выраженный геометризм, зооморфные графические изображения на стенках сосудов. Такая керамика на территории горно-лесного Зауралья найдена в составе полихронных памятников — Береговая I, Аятское Правобережное II, Палатки II²⁶, Макуша III — жилища 1, 3, Шитовской Исток VII, VIII и др. Поселения этой группы расположены на высоких — от 3 до 8 м коренных террасах и мысах, далеко отстоящих от современных акваторий. В торфе аятские комплексы единичны — средний слой Вашты VI—А, Шигирское — А и др. Вероятно, эту группу памятников можно датировать ранним суббореалом — конец III — начало II тыс. до н. э., когда повышенная увлажненность не благоприятствовала заселению прибрежных заболоченных участков.

Торфяниковые памятники горно-лесного Зауралья (Шувакиш I, Разбойничий Остров) дают уникальный набор деревянных изделий: весла, поплавки, кибасы, распорки для сетей, рыболовецкие приспособления, ковши, берестяные кузовки, колья, колотые доски и т. д.

К концу энеолита на Урале и в Северном Казахстане сложился значительный массив культурных образований — суртандинская, гаринская, аятская, терсекская, ботайская, в материальной культуре которых много сходных элементов, особенно в керамике, что можно объяснить возросшими экономическими и культурными связями.

По-видимому, ядром этого культурного массива была суртандинская культура, которая занимала выгодное географическое положение относительно основных сырьевых ресурсов (кремень, яшма, металл), находясь в контактной зоне со степным населением Восточной Европы, культура которого развивалась более интенсивно на пути перехода к производящей экономике.

Некоторое сходство в культурах липчинской, аятской, ботайской, терсекской, скорее всего, можно объяснить ни непосредственным взаимодействием этих культур, а опосредованно, через контакты с южноуральским населением.

В начале II тыс. до н. э. в Среднем Зауралье осуществляется переход к производящей экономике: осваивается и широко внедряется в жизнь зауральского населения металлообработка; наряду с рыболовством и охотой, по-видимому, все большую роль начинает играть придомное животноводство. Основным типом

поселений становятся довольно крупные (от 1000 до 3500 м²) многолетние поселки, свидетельствующие о переходе к прочной оседлости населения, значительной его концентрации на поселениях.

Переход к бронзовому веку в Нижнем Притоболье связан с формированием ташковской культуры, характеристика которой дана в ряде последних работ ²⁷.

Наиболее крупные поселения расположены по берегам рек — притокам р. Тобола: Ташково II (на р. Исети, Курганская обл.); Ук III, Заводоуковское X, XIII (на р. Уке, Тюменская обл.); по берегам проточных озер — ЮАО—X, XIII (на Андреевском озере у Тюмени); Ипкуль I (оз. Ипкуль, Тюменская обл.) и др.

С методологических позиций процессы культурогенеза изучаются через механизм взаимодействия культурных традиций и инноваций. Смена археологических культур происходит по двум основным моделям — эволюционной и скачкообразной. В первом случае основные типы культуры трансформируются медленно и постепенно, во втором происходит прерыв традиций, значительно изменяется весь облик культуры ²⁸.

В лесном Зауралье в энеолите изменения происходили в условиях сложившейся системы экономических отношений. В развитии основных типов культуры — жилища, каменных индустрий, керамики — прослеживается преемственность с культурой неолита.

Длительный эволюционный процесс сменился скачкообразным переходом к культуре нового типа, резко отличающейся от предшествующих на этой территории.

По всей вероятности, процесс формирования ташковской культуры происходил на основе энеолитической культуры Зауралья и под воздействием южного и юго-западного импульсов.

В изучении и осмыслении ташковской культуры пока сделаны лишь первые шаги. При датировке ташковских древностей мы исходили главным образом из того, что в общей стратиграфической колонке региона они занимают место сразу после энеолита, который вряд ли продолжался позже первой четверти II тыс. до н. э. Это подтверждает и абсолютная дата с поселения Ташково II—XVIII в. до н. э.

Вполне вероятно, что ташковские древности Нижнего Притоболья, вишневские Северного Казахстана, синташтинско-абашевские Южного Урала составляют единый хронологический пласт. Это предположение подтверждают сходство ташковской и вишневской керамики, находки от сосуда близкого синташтинско-абашевского на поселении Ташково II с каплей меди на внутренней стороне. Сходны и структурные черты поселений, которые, вероятно, определялись сходными социальными и экономическими факторами.

Памятники вишневого типа датируют в пределах первой трети II тыс. до н. э. ²⁹ В. С. Горбунов пришел к выводу о том, что

приуральская абашевская культура существовала в досейминский хронологический период, при этом на ранней фазе досейминского периода контакты абашевцев были связаны с кругом культур раннего бронзового века и позднэнеолитическими³⁰.

Принимая во внимание сказанное, мы полагаем, что ташковская культура сформировалась в досейминский хронологический период — в первой четверти — первой трети II тыс. до н. э. По-видимому, она существовала относительно короткий период. Вполне можно допустить, что конец ее приходится на начало сейминского хронологического периода. По-видимому, именно абашевский импульс был определяющим в формировании своеобразной ташковской культуры с довольно развитой металлообработкой, комплексным хозяйством, разнообразными домашними промыслами, новым типом поселений с круговой планировкой, развитой знаковой системой³¹, сложной социальной структурой.

¹ См.: **Чернецов В. Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

² См.: **Бадер О. Н.** Уральский неолит // МИА. 1970. № 166.

³ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

⁴ См.: **Ковалева В. Т.** Боборыкинская культура: (Итоги изучения) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.

⁵ См. **Ковалева В. Т.** Некоторые дискуссионные проблемы в изучении раннего неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988; **Она же.** Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989.

⁶ См.: **Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.** Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. 1976. № 4.

⁷ См.: **Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // ВАУ. 1984. Вып. 17. С. 38.

⁸ См.: **Матюшин Г. Н.** К вопросу о раннем неолите Урала // КСИА. 1975. № 141. С. 29—31.

⁹ Устное сообщение В. Ф. Кернер.

¹⁰ См.: **Кольцов П. М.** Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

¹¹ См.: **Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.** О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов // СА. 1984. № 1.

¹² См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 200—205.

¹³ См.: **Ковалева В. Т.** Боборыкинская культура: (Итоги изучения); **Она же.** Неолит Среднего Зауралья. С. 48—59.

¹⁴ См.: **Аникович М. В.** Об определении понятия «археологическая эпоха» // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 23—25.

¹⁵ См.: **Чернецов В. Н.** Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 36 и др.

¹⁶ См.: **Ковалева В. Т.** Энеолитическое поселение на Андреевском озере // ВАУ. Вып. 14; **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 146—168; **Косарев М. Ф.** Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 83—108.

¹⁷ См.: **Ковалева В. Т.** Андреевская группа памятников в Нижнем Приобье // ВАП. Тюмень, 1969. Вып. 2. С. 60—72.

¹⁸ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 207; **Матюшин Г. Н.** Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 272. Табл. XIV.

¹⁹ См.: **Хотинский Н. А., Немкова В. К., Сурова Т. Г.** Главные этапы раз-

вития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 148—151.

²⁰ См.: Сериков Ю. Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. 1984. № 2.

²¹ См.: Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968, № 4.

²² См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 157—168.

²³ См.: Генинг В. Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы»: (По материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 156—159.

²⁴ См.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 233, 236, 252.

²⁵ См.: Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 27—29.

²⁶ См.: Панина С. Н. Палатки II — поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Сибири. Свердловск, 1988.

²⁷ См.: Ковалева В. Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири; Ковалева В. Т., Штадлер М. Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

²⁸ См.: Черных Е. Н. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественно-научные методы в археологии. М., 1989. С. 15—16.

²⁹ См.: Татаринцева Н. С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишмые // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 104—112.

³⁰ См.: Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986. С. 74.

³¹ См.: Ковалева В. Т., Рыжкова О. В. Об одном аспекте изучения архаичной знаковой системы // Областная научно-практическая конференция: История, краеведение и музееведение Западной Сибири: Тез. докл. Тюмень. 1989. С. 7—9.

О. Н. КОРОЧКОВА, В. И. СТЕФАНОВ, Н. К. СТЕФАНОВА
Уральский университет

КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРЕДТАЕЖНОГО ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ УАЗ)

Успехи в изучении культур бронзового века Зауралья, Западной Сибири и казахстанских степей, достигнутые за последние два с половиной десятилетия, очевидны. В результате значительного расширения объема полевых исследований неизмеримо выросла источниковая база. Появились обобщающие работы по бронзовому веку Урала и Зауралья (В. С. Стоколос, Л. П. Хлобыстин, М. Ф. Обыденнов), лесостепного и степного Приобья (Т. М. Потемкина, В. В. Евдокимов), Северного Казахстана (Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович), Барабинской лесостепи (В. И. Молодин), Среднего и Верхнего Приобья (В. И. Матюшенко, Ю. Ф. Кирюшин). Вопросы хронологии и периодизации, некоторые аспекты социально-экономического и культурно-исторического развития зауральского и западносибирского населения рассмотрены в работах В. Ф. Генинга и его